

... Что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати, и (о)нѣ мнѣ не дасть: «Не виновать есмь Кузмѣ». А еще мене зава(ль) ...родѣ, а рка такъ: «За тобою хлѣбъ мой и жи(во)тъ вѣсь». И нынѣ при(сли?)... ...а Губа(?) сѣно поималъ на завалѣ.

Разрыв в начале четвертой строки, скорее всего, восполняется конъектурой *завва(ль на на)родѣ*: Путила высказывал свои претензии принародно, перед лицом многочисленных слушателей. К числу этих претензий, по-видимому, относится и обвинение Губы(?) в краже сена. Слово «завал» фиксировано в ряде областных говоров: в костромском оно означает валок сгребенного сена, в вологодском — ряд скошенной травы, небольшую укладку сена, копну. *Губа(?) сѣно поималъ на завалѣ* — Губа(?) украл сено в валках или копнах.

Грамота содержит сообщение автора адресату Кузьме, поручившему ему взять коня у Путилы. Путила отказался отдать коня, заявив, что он Кузьме ничего не должен. Он также назвал автора письма на народ и обвинил то ли автора письма, то ли Кузьму в том, что тот должен ему хлеб и имущество, а также, по-видимому, что Губа(?) украл у него сено.

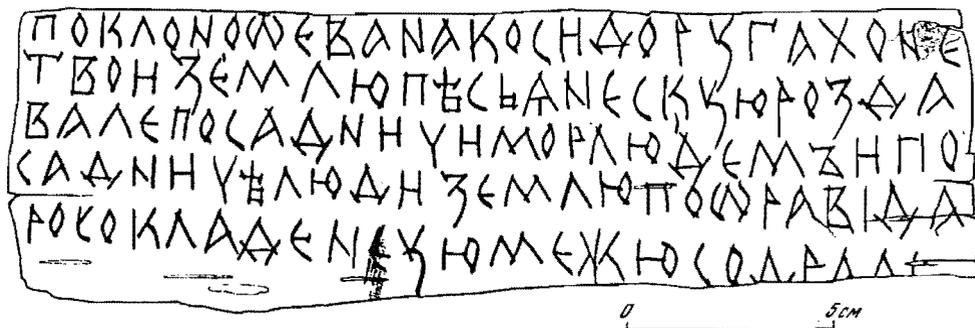
Кузьма был также одним из адресатов грамоты № 690, найденной в напластованиях того же стратиграфического уровня.

Грамота № 698—699

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1045, на уровне пласта +1 (глубина +0,07 — +0,04 м), в напластованиях усадьбы И. Это целый документ, написанный на двух листах бересты, один из которых находился внутри свертка.

Первый (грамота № 698) содержит текст в пяти строках:

поклоноѣванакосидоругахоне
твоиземлюпѣсьанескуюрозда
валепосадничимолюдемъипо
садничѣлюдиземлюпоуравлда
росокладенуюмежюсодрал[e]

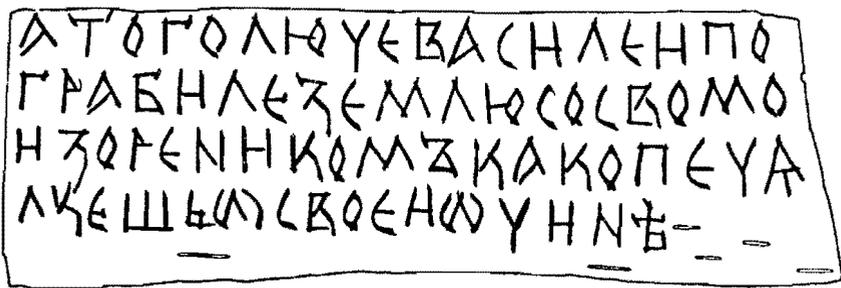

Прорись грамоты № 698

Длина 23 см, ширина 7,5 см.

На втором листе (грамота № 699) текст из четырех строк:

атоголочеvasилеипо
грабилеземлюсосвомо
изореникомъкакочепчѣ
луешьwсвоеичинѣ

0 5 см

Прорись грамоты № 699

Длина 20 см, ширина 6,5 см.

Стратиграфическая дата: 60-е — середина 90-х годов XIV в.

Разделение текста на слова не вызывает трудностей:

Поклоно Ѡ Евана ко Сидору. Гахоне твои землю Пѣсьянскую роздавале посадничимо людемъ. И посадничѣ люди землю поурав да росокладеную межю содрале. А того люче — Василии пограбиле землю со сво(и)мо изореникомъ. Како печалуешь ѡ свои ѡчинѣ?

Между словами *посадничимо* и *людемъ*, а также между словами *поурав* и *да* — вертикальные линии, служащие разделительными знаками. В слове *росокладеную* после *и* была написана буква *е*, тут же затертая. В слове *сво(и)мо* ошибочно пропущена буква *и*.

Существо конфликта, описанного в грамоте, по-видимому, надо понимать следующим образом. Адресат письма Сидор — вотчинник, владелец волости в Песьянской земле, на что указывает заключительная фраза документа: *како печалуешь ѡ свои ѡчинѣ*. Некий представитель Сидора (староста или ключник) Гахон (*Гахоне твои*) испоместил на этой земле посадничьих людей, т. е. крестьян, перешедших в волость Сидора из волости посадника.

Примеры таких крестьянских переходов известны в берестяных грамотах. Наиболее яркий — в грамоте № 310 первой половины XV в.: *Цѣлобитикъ ѡсподину посаднику новгороцкому Ѡнедрию Ивановицю Ѡ твоѣмъ го ключника Ѡ Вавулы и Ѡ твоихъ хрестимно, которыхъ хрестимни с Ълова пришли за тебѣ, Захарка да Нестерке, жили за Ѡлексеѣ за Щукою. Ноне, ѡсподине, Ѡлексиѣ не хоце намъ ржи дати. Како сѣ, ѡсподине, нами, своими хрестимны, попецѣлише. Надеж мѣѣ, ѡсподине, на бога и на тебѣ, на своѣмъ го ѡсподна*. В числе причин таких переходов указываются также непосильные подати (грамота № 301 первой четверти XV в.), самоуправство ключника (грамота № 370 третьей четверти XIV в.). Вероятные случаи крестьянских переходов возможно отметить в грамотах № 243 первой половины XV в. и № 314 конца XIV в.

Испомещенные на земле Сидора посадничьи люди, вспахав ее, нарушили («содрали») *росокладеную межю*. Термин «раскладная межа» известен по раздельной грамоте Василия и Маковея на отчину их отца Прокофия, суммарно датированной XV в. и относящейся к Обонежью: *разделив отчину по половинам, братья «положися по промежи себя межю роскладную»*⁹¹. Тот же термин фигурирует и в нескольких псковских грамотах XIV—XV вв., где отличим от «разгонной межю» как обозначение общей обусловленной границы вотчины, подразделенной разгонными межами на несколько участков ее пользователей⁹². Очевидно, что

⁹¹ ГВНП, С. 310. № 324.

⁹² Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 49. № 4; С. 50. № 6; С. 52. № 9; С. 65. № 27.

в нашем случае речь идет о нарушении межи между волосткой Сидора и владениями его соседа. Автору письма представляется еще более тяжелым обстоятельством (*а того люче, а того лютее*), что некий Василий со своим изорником пограбил землю Сидора; эта акция прямо связана с нарушением раскладной межи,— по-видимому, Василий и был соседом Сидора, пограбившим землю Сидора в отместку за вторжение в свои владения.

Немаловажно установить место конфликта. Наименование «Пѣсьянская земля» связывается с протекающей в восточной части Бежецкой пятины рекой Пѣсь, которая впадает в приток Мологи — Чагодошу. Писцовые материалы дают весьма обстоятельную картину принадлежности вотчин в Песьянской земле к моменту боярского вывода 80-х годов XV в.

Песь протекает через обширные болота с редкими населенными возвышенностями между ними. В ее верховьях расположен Спасский Молодилинский погост, значительная часть земель которого (21 с третью сохи, т. е. 65 обож) находилась во владении Михаила Матфеевича Селезнева. Возвышенность в среднем течении этой реки и по ее левому притоку речке Минце занята Егорьевским на Минце погостом. Образующая его волость Минца оценивалась в 105 без трети сох (314 обож) и принадлежала по половинам Якову Васильевичу Губину-Селезеву и Михаилу Матфеевичу Селезеву⁹³. Севернее ее, по течению притока Чагодоши речке Смердомле, находился Богородицкий Смердомльский погост (около 100 обож), которым владели те же бояре Селезевы⁹⁴. Яков Васильевич и отец Михаила — Матфей Иванович Селезев — были двоюродными братьями и происходили от общего деда — Ивана Васильевича Сокиры (умер в 1446 г.⁹⁵), который, следовательно, и был некогда единым владельцем волосток в Минце, Смердомле и Молодиле. Лавочная книга Новгорода 1583 г., сохранившая некоторые реликтовые сведения о месте жительства новгородских бояр времени независимости, связывает Селезевых с Неревским концом: «на Кузюдемьяне ж улицы сад ... Михайловской Селезенева»⁹⁶.

Другая возвышенность примыкает к р. Песь с юга от Минцы и освоена волостью Кушевера, образующей Козюдемьянский в Кушевере погост⁹⁷ и оцененной в 106 сох (317,5 обжи); из них 193 обжи перед боярским выводом

⁹³ «Великого князя волостка Минца Яковлевская Губина Васильева сына Селезенева, что была за князем за Семеном за Ряполовским,— сох 53; а дохода с полутора и с пяти обож десять рублей и пол-6 гривны да 30 и пол-8 коробы пшеницы да ржи 39 кор. с получеткою, а овса 38 кор. и 3 четки, да 12 кор. ячмени да 60 и пол-2 овчины да 36 сыров да 24 лопатки бораньи, да двои хлебов да 33 горсти лу; а с четырех обож доход нейдет,— сидят на лоте... Великого князя волость Минца Михайловская Селезенева в Егорьевском погосте на реке на Минце, что была за князем за Васильем за княжим Ивановым сыном Юрьевича,— сох 52 бес трети; а доходу с полутора обож и за ключнич и за старой доход денгами пол-16 рубля новгородская; а с пяти обож доход нейдет,— сидят на лоте. Великого князя волость Молдино Михайловская Матфеевская сына Селезенева в Спасском погосте в Молдине, что была за князем ж за Васильем,— сох 21 с третью; а дохода шло со штидесят и с полуторы обжи за старой за весь доход денгами пол-3 рубля и пол-6 денги; а приказшикова дохода; коробья пшеницы с получетью, а ржи 23 кор. с четкою, а овса 24 кор. и пол-2 четки, а ячмени 3 кор., до 17 овчин да 16 горстей лу, шестеронадцатеро хлебов, а з дву обож доход нейдет,— сидят на лоте» (*Самоковасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1. С. 224—225*). В материалах, изданных Самоковасовым, Молодилинский погост ошибочно именуется Молдинским. Молдинский погост, находившийся в южной части Бежецкой пятины, назывался Никольским (НПК. Т. 6. Стб. 672—693), тогда как Спасским был Молодилинский погост (Там же. Стб. 1053—1068; *Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 225, 230*).

⁹⁴ «... Воеводин да его дети Олексейко да Мордвинец да Сыч... волостка за ними Смердомля Михайловская... в Богородицком погосте в Смердомльском,— сох 19 с полутретью... Волостка Смердомля Яковлевская Губина Селезенева на рече... в Богородицком погосте в Смердомельском,— сох 15 ..., а корму рубль без трех...» (*Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 235*).

⁹⁵ ПСРЛ. Л., 1925. 2-е изд. Т. 4., ч. 1, вып. 2. С. 442—443; СПб., 1889. Т. 16. Стб. 189—190.

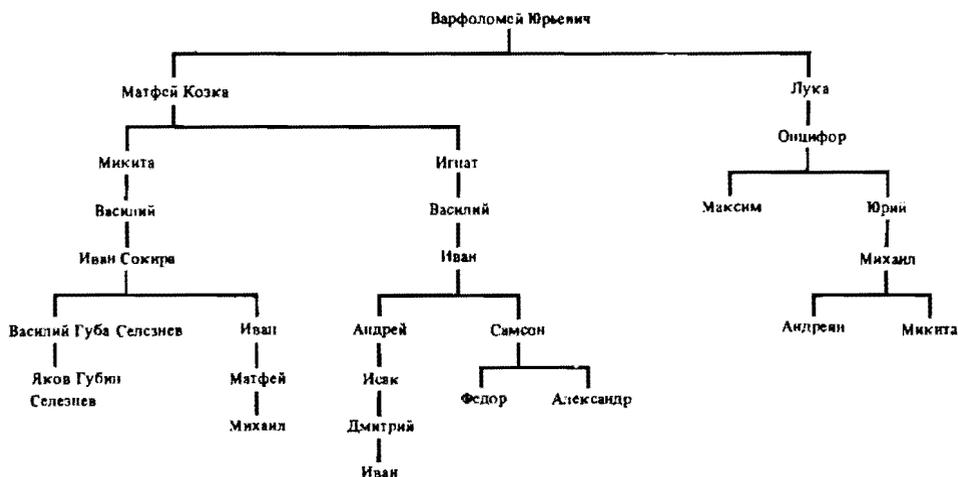
⁹⁶ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930. С. 174.

⁹⁷ Исторические разговоры о древностях Великого Новагорода. М., 1808. С. 92.

принадлежали вдове посадника Федора Самсоновича Офросинье, а 124,5 обжи — его брату посаднику Александру Самсоновичу⁹⁸. Еще одна заселенная возвышенность находится в устье Песи (Воскресенский в Избоищах погост); ее принадлежность в писцовых материалах прямо не зафиксирована. Только эти перечисленные массивы могут претендовать на наименование «Песьянская земля».

В ближайшем соседстве с ними, на значительном протяжении параллельно течению Песи, максимально сближаясь с ним в районе устья Песи, протекает приток Мологи р. Кожоба. Соседняя с Кушеверой и расположенная на Кожобе возвышенность относилась к Никольскому погосту и была освоена волостью Ливоча, оцененной в 44 сохи (132,5 обжи), из которых 53,5 обжи принадлежали Александру Самсоновичу, 62 обжи — вдове Федора Самсоновича Офросинье, а 16 обож — Якову Федоровичу⁹⁹. Единое происхождение, по крайней мере, подавляющей части волостей Кушевера и Ливоча очевидно. Как еще не разделенное владение они принадлежали отцу Федора и Александра — Самсону Ивановичу, упоминаемому впервые под 1417 г.¹⁰⁰ и ставшему в дальнейшем посадником — с этим титулом он известен в 1434 и 1448 гг.¹⁰¹ Лавочная книга 1583 г. указывает, что Самсоновичи были жителями Неревского конца: «На Кузодемьяне ж улицы сад Олександровской Самсонова»¹⁰².

Таким образом, и бывший владелец Кушеверы и Ливочи Самсон Иванович, и бывший владелец Минцы, Смердомли и Молодилина Иван Васильевич Сокира — неревские бояре с Кузодемьянской улицы. Но они находятся и в родстве между собой. Дедом Ивана Сокиры был Микита Матфеевич, прадедом Самсона Ивановича — Игнат Матфеевич. Микита и Игнат — сыновья Матфея Варфоломеевича Козки, племянники Луки Варфоломеевича, двоюродные братья Онцифора Лукиничича:

⁹⁸ «Волость Кушевера Офросиньинская Феодоры жены Самсонова, — сох 64 с третью; а оброку пол-13 рубля, а корму 4 рубля и 3 гривны бес деньги; да с дву озер оброку за рыбную ловлю рубль. Отдана Ондрею Колычеву. Волость Кушевера ж Олександровская Самсонова сох 40 и пол-2 сохи; а оброку пол-9 рубля, а корму пол-3 рубля и 3 гривны и пол-5 денги; да с 3 озер оброку рубль» (Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 225). Заметим, что в писцовой книге Шелонской пятины Федор Самсонович называется Кушеверским: «деревни Офросиньинские Федоровы жены Самсонова Кушеверского» (НПК. Т. 5. Стб. 191).

⁹⁹ «... да Микулка, волость за ними Ливоча Александровская Самсонова в Никольском погосте в Ливочском, — сох 18 без полутрети. Якуш ... Ивановской человек Рунов да его дети Сенка да Климуша да Иваншко, волость за ними Забородье Офросиньинская Феодоры жены Самсонова в Никольском погосте в Ливоче, — сох 21 бес трети. Слободка Ливоча пустая в Никольском ж погосте в Ливочске на Яковлевской земле Федорова, — сох 6 бес трети; а оброку рубль, а корму 5 гривен и 9 денег» (Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 225).

¹⁰⁰ НПЛ. С. 407—408.

¹⁰¹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 130; ГВНП. С. 107—108. № 64; С. 120, 123, № 73.

¹⁰² Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 174.

Владелец небольшой части Ливочи боярин Яков Федорович, хотя и принадлежал к числу жителей Добрыни улицы Людина конца¹⁰³, был, однако, причастен к неревскому боярству отношениями свойства: на его дочери был женат Дмитрий Исакович Борецкий; сын последнего, казненного Иваном III в 1471 г., — Иван воспитывался у деда — Якова Федоровича¹⁰⁴, и участок в Ливоче мог достаться людинскому боярину в обеспечение этого опекуства. Именно на такое обстоятельство указывает и принадлежность соседней с Ливочей волости Кобожа: «Иван да Борис Третьяк Семеновы дети Осинина, волость за ними Кобожа Яковлевская Федорова в Дмитре-евском погосте, — сох 16 бес полутрети; да Ивановская Дмитреева сына Исакова, Марфина внука, волость Кобожа же у Великого озера, — сох 22 с полутретью»¹⁰⁵. Такая компенсация за опекуство могла быть предпринята после того, как Марфа была арестована Иваном III в начале февраля 1478 г.

Чтобы завершить обзор топографической ситуации, заметим, что ниже Воскресенского в Избоищах погоста, восточнее его, на той же р. Кобоже расположен Покровский и Никольский в Черенску погост¹⁰⁶, описания которого в писцовых материалах конца XV в. и первой половины XVI в. не сохранилось. С севера же к «Песьянским землям» примыкает расположенный в основном по течению р. Чагоды Озеровский погост, в восточной части которого, непосредственно соседствующей с устьем Песи (т. е. с Воскресенским в Избоищах погостом), перед боярским выводом находились владения боярина Кузьмы Фефилатова¹⁰⁷. Согласно показаниям Лавочной книги 1583 г., этот боярин жил в Людином конце Новгорода: «... в Роговке на левой стороне к городу сад Кузьминской Фефилатова Лешуча поперег 22 саж., а ныне те сады за Тарасом на оброке за садовником, оброку с обоих 3 р. 8 ал.»¹⁰⁸

Общая принадлежность Песьянских и соседствующих с ними Кобожских земель неревскому боярскому роду заставляет обратить внимание на группу берестяных грамот, найденных на Неревском раскопе в слоях первой половины XV в. Михаилу Юрьевичу, сыну Юрия Онцифоровича, адресованы две челобитные крестьян «черенщан» — грамоты № 157 и 311 — и челобитная «смердынских» крестьян — грамота № 313, найденные на неревской усадьбе И. С той же усадьбы происходит челобитная своим господам Андреяну и Миките Михайловичам — внукам Юрия Онцифоровича — и их матери Настасье, вдове Михаила Юрьевича, челобитная крестьян «избоищан» — грамота № 307. В этой последней, в частности, упоминаются как находящиеся в волости адресатов «Горотья» и «Парфа». Между тем эти пункты обнаруживаются в Спасском Молодилинском погосте: «Царева и великого князя дер. Парфеево, что была в поместье за Злобою за Оникеевым: дв. Леонтейко Федотьев, дв. Фатейко Иванов, дв. Карп Иванов, сеют в поле 5 коробей, а в дву по тому ж, сена 20 копен, обжа, а доходу дают царю и великому князю пол-2 осмины ржи, овса то ж, полосмины пшеницы, ячмени то ж, 2 алтына и 2 ден., то и за мелкой доход... Царева и великого князя дер. Городно вопче с Никитою з Болячкиным, а была в поместье за Дмитреем за Кропивиным, дв. пуст, пашни в поле 3 коробьи, а в дву по тому ж, сена 20 копен, полобжы, в оброке у Никиты Болячкина, а оброку дает...»¹⁰⁹

¹⁰³ К 1462 г. относится летописный рассказ о гибели от пожара на Добрыне улице дворов Федора Яковлевича (отца Якова Федоровича) и Луки (брата Якова Федоровича) (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211).

¹⁰⁴ Во время пира у Якова Федоровича 1 января 1476 г. Иван III получал дары от него и «от Ивана Дмитриева сына Исакова» (ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 166).

¹⁰⁵ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 228.

¹⁰⁶ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. С. 92.

¹⁰⁷ «Гридя Ефимьев да его дети Ивашко да Олексейко да Ивашко ж Меншой, волостка за ними Озерева Кузьминская Фефилатова на реце на Чагодоце в Егорьевском погосте в Озеревском, — сох 19 бес трети» (Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. С. 236).

¹⁰⁸ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 169.

¹⁰⁹ НПК. Т. 6. Стб. 1062 (ср.: Там же. Стб. 1060: «Дер. Городно на озере на Городне» при описании владений Никиты Болячкина).

Сочетание всех этих пунктов в одном комплексе берестяных документов позволяет безоговорочно идентифицировать их с волостками на Песи и на Кобоже. Михаил Юрьевич, названный в грамоте № 301 «сыном посадничим», упоминается в летописи под 1419 г. как инициатор постройки деревянной церкви св. Михаила в Колмове, а под 1420 г. как участник новгородского посольства на Нарову для переговоров с немцами¹¹⁰. К 1423 г. его, очевидно, уже не было в живых, так как колмовское строительство в качестве родового ктитора продолжает его жена: «поставила Настасья Михайлова церковь камени святую богородицу Успенье на Колмови у монастыри»¹¹¹. Андреян и Микита Михайловичи стали известны только по берестяным грамотам. Сохранилось, однако, завещание правнучки Юрия Онцифоровича Орины, которая отказала Колмову монастырю остатки родовых владений¹¹²; среди них нет никаких земель в Бежецкой пятине. Поскольку Ориня — правнучка Юрия, она должна приходиться дочерью или Андреяну, или Миките Михайловичу.

Если в конце первой четверти XV в. волостки в Смердомле и Молодилине принадлежали семье Михаила Юрьевича, то позднее они, как видим, перешли в руки Селезневых. Из-за отсутствия сведений о принадлежности перед боярским выводом волостей в Избоище и Черенске нет возможности установить, как изменилась их судьба, однако, коль скоро владельческое единство волосток Селезневых, с одной стороны, и Самсоновичей, с другой, восходит ко времени Ивана Сокиры и Самсона Ивановича, т. е. ко второй четверти XV в., логично заключить, что род Юрия Онцифоровича после Андреяна и Микиты Михайловичей не имел продолжения в мужских линиях, а основной массив его владения как выморочный оказался в руках других ветвей Мишиничей. Не исключено поэтому, что и волостки Самсоновичей имеют здесь такое же происхождение. Во всяком случае, берестяные грамоты, связанные с Самсоновичами и их прямыми предками, концентрируются на неревской усадьбе И и на соседних с ней дворах¹¹³.

В связи с изложенными наблюдениями любопытными оказываются показания синхронных комментируемому документу (т. е. грамоте № 698—699) берестяных грамот Неревского раскопа, происходящих из усадьбы Е, которая находилась на перекрестке Козмодемьянской и Великой улиц. Эта усадьба в 60-х и 70-х годах XIV в. принадлежала боярину Максиму Онцифоровичу. В напластованиях 8-го яруса (конец 60-х — начало 80-х годов XIV в.) указанной усадьбы найдены пять грамот, адресованных этому лицу или написанных им (№ 91, 253, 271, 272, 279). Одна написанная им грамота (№ 290) извлечена из напластований той же усадьбы середины XIV в. Две грамоты, связанные с тем же Максимом, найдены на усадьбе И, соответственно в слоях 9-го (№ 177) и 8-го (№ 370) ярусов.

Максим Онцифорович умер в конце 70-х или в начале 80-х годов XIV в. (под 1375 г. он еще упоминается в летописи как новгородский посол к митрополиту¹¹⁴), так как материалы следующего этапа жизни усадьбы Е обнаруживают, что ее владельцем после Максима стал некий Сидор, с именем которого связаны найденные на той же усадьбе в напластованиях того же 8-го яруса берестяные грамоты № 260, 275, 276, а также обнаруженная на усадьбе И грамота № 364, которая сохранилась в слоях 6-го — 7-го ярусов (80-е годы XIV в. — начало XV в.); последняя в свое время не дошла до адресата, будучи потеряна упомянутым в ней «детинной». Буров предположил в Сидоре сына Максима Онцифоровича¹¹⁵,

¹¹⁰ НПЛ. С. 412—413; ГВНП. С. 99—100. № 60.

¹¹¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 309, примеч. 1.

¹¹² Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 285. № 3, 4.

¹¹³ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 48.

¹¹⁴ НПЛ. С. 373.

¹¹⁵ Буров В. А. «Муж добр Есиф Давыдович» // Сов. археология. 1975. № 4. С. 224.

что вряд ли доказуемо. Однако в целом принадлежность Сидора к роду Онцифоровичей представляется более чем вероятной.

Наличие Сидора в искомой ситуации (совпадение во времени и принадлежность к числу козмодемьянских бояр) делает его вероятным адресатом грамоты № 698—699. Если такое наблюдение справедливо, то можно — со всеми обязательными оговорками — попытаться идентифицировать и того посадника, людям которого Гахон раздавал Песьянскую землю. Поскольку ушедшие от посадника крестьяне вряд ли могли прийти в вотчину Сидора из каких-то отдаленных мест, а дальнейшие изложенные в грамоте действия (нарушение раскладной межи и последовавшее разграбление вотчины Сидора Василием) выглядят как взаимообусловленные события, допустимо высказать предположение, что Василий и был бывшим вотчинником посадничьих людей, т. е. посадником.

Ко времени деятельности Сидора относится посадничество двух Василиев. Василий Федорович, боярин Неревского конца, впервые упомянут с посадничьим титулом под 1386 г.¹¹⁶ (его предшественник в представительстве от неревлян Яков Хотов неизвестен после 1375 г.) и умер в монашеском чине в июне 1392 г.; он был погребен «у святого Николы»¹¹⁷, т. е. в неревском монастыре Николы Белого. По всей вероятности, именно он является соадресатом Сидора в берестяной грамоте № 276: *Поклоно ѿ Вдреж со братию ко Василию і ко Сидру. Была жалоба передо вами і потъми...*

Другой одноименный посадник — Василий Иванович был избран после свержения Есифа Захарьинича в ноябре 1388 г.¹¹⁸ и умер в 1405 г.¹¹⁹ Он был родным братом прусских бояр посадника Юрия Ивановича и тысяцкого Дмитрия Ивановича¹²⁰. Последний же приходился прапрадедом владельцу Озеревской волости Кузьме Фефилову.

Таким образом, конфликт, отраженный грамотой № 698—699, развивается между предками тех лиц, которым спустя столетие принадлежали соседствующие в устье р. Песь вотчины. Сам же конфликт предельно персонифицируется: по всей вероятности, из вотчины посадника Василия Ивановича какие-то крестьяне переходят в вотчину боярина Сидора, принадлежащего к роду Онцифоровичей; возникшая ситуация затем усугубляется нарушением вотчинной границы и ответными действиями Василия и его арендатора.

Неизбежно возникающий вопрос о причинах обнаружения письма, адресованного неревскому боярину, в усадьбном комплексе Людина конца разъясняется общей характеристикой этого комплекса (или, по крайней мере, части его) в XIV—XV вв. как связанного с администрацией владычного управления. Такой характеристике соответствуют найденные здесь берестяные грамоты № 594 (письмо посаднику Онцифору, вероятно, от владыки Моисея), № 689 (отчет о расходах в связи со смертью и погребением архиепископа Василия), № 693 (ее вероятный адресат — владыка Иоанн). Именно в компетенцию владычного управления с первой половины XIV в. входили дела, порожденные земельными спорами.

Одной из замечательных особенностей грамоты № 698—699 является упоминание в ней изорника. До сих пор этот термин был встречен только в Псковской судной грамоте, что создало устойчивую историографическую традицию считать изорничество исключительным псковским явлением¹²¹. Впервые указанный термин зафиксирован вне псковского региона и даже не в пограничной с Псковом местности, а в противоположном конце Новгородской земли, на ее восточном побережье, что свидетельствует о территориальной широте его бытования.

Материалы Псковской судной грамоты характеризуют изорника как арендатора

¹¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 240.

¹¹⁷ НПЛ. С. 385.

¹¹⁸ Там же. С. 382.

¹¹⁹ Там же. С. 398.

¹²⁰ Там же. С. 472—473.

¹²¹ Обзор литературы вопроса и самой проблемы см. в кн.: Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. Гл. VIII.

земли, юридически равноправного с ее владельцем. По-видимому, нет оснований отождествлять изорника с крестьянином. Изорник пользуется арендованной им землей в течение обусловленного срока, выплачивая владельцу земли четверть урожая. Представляется вполне вероятным связывать с институтом изорничества несколько давно опубликованных берестяных грамот. О полагающейся владельцу земли четверти говорится в грамоте № 23 рубежа XIV—XV вв.: *Поклоно ѿ Карпа к осподину мож му Фоми. Было к сми, шсподинь, на Пустопържи, рожь к сьмь роздилило с Ольксои і съ Гафанкомо. Ньмного, шсподинь, ржи на твою часть — два швина цьтверти. А Пянтльикъ видьль самь.* О четверти же говорится в грамоте № 297 первой четверти XV в.: *Целобитъ ѿ Сергина з братъи изъ Рагушлова г(осподи)ну Михаши Юрѣжъ вицу. Стогъ, г(осподи)не, твои ржаныи цетвертьныи тати покрали, швиновъ пать свезли...* Наконец, как кажется, с изорничеством связана и грамота № 311 первой четверти XV в.: *Г(осподи)ну своѣ му Михаилу Юрѣжъ вицу хрестъани твоѣ черешшани чело бшоте. Што к си шдода деревенеку Климецу Шпарину, а мы к го не хъtimo: не сусѣдцеи человѣко. Волеи б(ог)ъ де і ты.*

Заметим также, что деревня Изорники (в другом написании Изоринки) имеется во Введенском Дудоровском погосте Водской пятины¹²².

Грамота № 700

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1048, на уровне пласта 9 (глубина 1,64 м), в напластованиях усадьбы Р. Это фрагмент письма, утратившего верхние и нижние строки, но сохранившегося на всю длину берестяного листа:

оукого.лю.бо.и.гръ.чь.ска.го.бо.[б]оу.с[ь].мь.ни.жь

Длина 34,6 см, ширина 1,1 см.

Стратиграфическая дата: середина 50-х — середина 90-х годов XII в. Текст разделяется на слова следующим образом:

... оу кого любо, и гръчьскаго бобоу сьмни жь ...

Под семенем греческого боба следует понимать фасоль, которая в позднейшее время в обиходе называлась турецкими бобами. В источнике середины XVII в. («Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг.») фасоль называется «бобом цареградским» (см. Словарь русского языка XI—XVII вв.).

В комментируемой грамоте адресату поручается что-то купить у кого угодно, а также фасоль в зернах.

Грамота № 701

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1074, на уровне пласта +2 (глубина +0,37 м), в напластованиях усадьбы П. Это фрагмент документа, не сохранившего верхних и нижних строк, а также левого края:

=== [рко]вскеоубо[р]исаоупита[р]ева.берковске.оупрошкевииг.розми

Длина 30,6 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: 60-е — середина 90-х годов XIV в.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

... (бе)рковске. Оу Бориса оу Питарева берковске. Оу Прошкевиі 3. Розми...

В слове *берковске* (во втором случае) конечное *е* переправлено из *о*, в слове *Прошкевиі* *е* неаккуратно написано и имеет сходство с *о*.

¹²² Временник Общества истории и древностей российских М., 1851. Кн. 11. С. 323, 328.